Под знаком темной луны

Автор:
Вера Чиркова

Под знаком темной луны

Вера Андреевна Чиркова

Особый агент #2

Странные события скрутились в один неразрешимый узел, неразгаданные тайны появляются как из ящика Пандоры. Неизвестные враги пытаются убить всех, кто им мешает. Сможет ли отсутствовавший долгое время на своем посту агент разгадать их замыслы и не потерять при этом нежданно обретенных друзей?

Вера Чиркова

Под знаком темной луны

Особый агент

Книга вторая

Казнь транслировалась на всю страну. Это новшество я ввел с одобрения его величества и потому точно знал, что сегодня после завтрака все королевское семейство во главе с королем удобно устроится в мягких креслах около огромного королевского экрана.

На рассвете Трик Пил под усиленной охраной был доставлен в специально пристроенную к моему замку мощную башню. Телекамера вела его по мрачным

каменным ступеням до самой верхней площадки, где, за железной дверью, в комнате без окон, была установлена электрическая гильотина.

Там судья, по традиции одетый в красное, зачитал ему приговор, а весь в белом тюремный священник напутственную молитву. И, напоследок, его поставили перед камерой и разрешили сказать слова прощания.

Все экраны великого королевства показали крупным планом осунувшееся лицо молодого человека с горестным взглядом серых глаз. Он прямо и честно взглянул в камеру, вздохнул, и тихо, но твердо выдохнул:

– Мама. Я не виновен.

И худенькая сероглазая женщина в старом доме на окраине Марофеля упала в обморок. А стражи подвели Трика к стойке гильотины и намертво закрепили его руки, ноги и торс. Затем все вышли из комнаты и заперли дверь.

Королевство затаило дыхание. Никогда еще им не приходилось видеть казнь так близко. Мест на тюремной площади, где обычно проводились мероприятия такого рода, хватало лишь для нескольких сотен граждан. Лучшие места доставались самым именитым и богатым, поэтому удачей досконально рассмотреть все подробности могли похвастаться немногие.

Наиболее чувствительные из зрителей закрыли глаза, когда из стены сзади осужденного выдвинулось тонкое, острое как бритва лезвие и коснулось шеи. Затем афийцы получили возможность наблюдать, как судья, сидя за пультом в соседнем помещении, с важным видом нажимает главную кнопку.

И, наконец, мы увидели леденящие душу кадры, вот мелькнуло быстрое лезвие, недоуменно вздрогнули и застыли губы осужденного, хлынула потоком темная кровь и медленно скатилась на пол отрезанная голова. А потом разошлись металлические плиты пола, и стойка с останками преступника ушла вниз.

– Впечатляюще, не правда ли? – Довольно ухмыляясь, спрашиваю молодого человека, сидящего перед экраном рядом со мной.

– Да уж. – потрясенно выдохнул он, отирая платком пот со лба. Помолчал, и, расстроенно пряча глаза, прошептал:

– А кто он?

– Кого именно ты имеешь в виду? – не понял я.

– Ну, этот, – Всё так же глядя куда-то в сторону, с запинкой пролепетал Трик, – Которому голову отрезали?

Так. Похоже, парень думает, что вместо него казнили кого-то другого.

И кто же это мог быть, по его мнению? Какой-нибудь доброволец? Или срочно покаявшийся настоящий убийца?

– Эй, Трик. – сурово заявил я, уставившись ему в глаза, – Неужели ты думаешь, что я способен вместо одного невиновного казнить другого?

– Значит, ты веришь, что это не я убил учителя? – поднимает он на меня честный взгляд.

– А если бы не верил, зачем бы я тебя спасал?

– Но ведь я сам видел, как ему отрезало голову. – не сдается Трик.

– А это все видели, – хмыкаю удовлетворенно, – но, тем не менее, это просто трюк.

Объяснять ему, что это не трюк, а обычная компьютерная программка, я не стал. Хотя наши эксперты и кричат в один голос, что Трик Пил гениальный изобретатель, но даже гению нельзя вываливать на голову достижения цивилизации превосходящей его собственную почти на пятьсот лет.

Собственно, именно из-за этого гения я и прибыл так спешно на Корван, оставив Тези и Гая на Деллии разбирать донельзя запутанные дела низран.

Трика явно подставили в убийстве старого учителя, и спасти его от казни могло только чудо. А этим самым чудом мог быть только я. Ведь именно я уже почти четыре года являюсь главным тайным советником Его Величества Маннейга Третьего, короля Афии. Это, если исключить последний год, который я провел, согласно официальной версии, в кругосветном плавании с великой целью изучения стран и народов, находящихся на островах и континентах западного полушария планеты Корван.

На самом же деле, меня не было не только на Корване, но и во всей системе этого Солнца. По вызову моей матери, по совместительству начальника особого отдела ОПРП, я проводил на Деллии, в Низранской пустыне, секретную операцию, едва не лишившую меня жизни.

– Эзарт, а когда мне можно будет повидать маму? – прерывает мои мысли робкий голос Трика.

Отличный вопрос, ничего не скажешь. И как мне прикажете отвечать этому чудаку? Мало ему того, что остался жив вопреки всем законам королевства, так он еще собирается разгуливать по городу, успокаивая своих родственников.

– Послушай, Трик, – проникновенно объясняю подопечному, – Как ты думаешь, что ожидает меня, если ты выйдешь отсюда проведать свою мать, а тебя кто-нибудь узнает? Ведь твое лицо крупным планом рассмотрело все королевство.

– Но я же могу наклеить усы и бороду, – наивно заявляет он.

Изобретатель, ничего не скажешь.

– А собакам королевской стражи что приклеишь, чтоб они тебя не узнали? Ведь и трех недель не прошло с тех пор, как их науськивали на тебя? А про закон, запрещающий выражать соболезнование родственникам казненных преступников, не забыл? Ведь в дом твоей матери сто дней не должны входить гости. И, наконец, где гарантия, что твоя мать, увидев казненного сына, не получит разрыв сердца, или, в лучшем случае, не сойдет с ума?

– Ну, может быть, ночью подбросить ей записку? – не сдается Трик.

– Нет. – безапелляционно отвечаю я. – НЕТ и НЕТ. Даже если бы только моя жизнь была под угрозой, я бы сказал нет, так как надеюсь помочь в этой жизни не только тебе. Но под угрозой еще и жизнь тех, кто помогал мне, твоя и, наконец, твоей матери. Поэтому пока забудь об этом, и дай мне слово чести, что не попробуешь предпринять что-либо за моей спиной.

– Руиз. – командую возникшему в дверях секретарю, – отведи Трика в его комнату и запомни, что сегодня он ни под каким предлогом не должен её покидать.

Позже я намерен отправить этого мнимоказненного на чердак, в потайную комнатку, о существовании которой не знает даже испытанный секретарь.

Проводив взглядом поникшего изобретателя, поднимаюсь из кресла и подхожу к окну. Особое расположение моего жилища дает мне прекрасный обзор с высоты птичьего полета громоздких домов и дворцов Марофеля, утопающих в тенистых садах. Замок, который я выбрал для своей резиденции, стоит на высоком уступе скалистого отрога Айлинских гор, в некотором удалении от города, и именно это сыграло для меня решающую роль при выборе жилища. Правда, Маннейг Третий был вначале против моего выбора, он привык иметь тайного советника под рукой днем и ночью. Но как раз это и не устраивало меня, поэтому я проявил всю твердость и изобретательность, чтобы отстоять свой выбор.

Главным аргументом я выставил свою нелюбовь к шумным балам и увеселениям, мешающим мне спокойно заниматься делами королевства. И, наконец, предложил установить в покоях короля прямую связь с моим замком. И в тот момент, когда я разглядывал в окно слегка подзабытые пейзажи Марофеля, громкий звон этой связи оповестил, что его величество желает со мной поговорить.

– Слушаю, Ваше Величество, – Говорю почтительным тоном, прижимая к уху серебряную телефонную трубку, украшенную драгоценными камнями. Но вместо сочного баритона Маннейга из трубки доносится гневный женский голос, в котором прорываются рыданья.

– Эзарт, ты знаешь, что ты негодяй?

– Нет, ваше высочество, – озадаченно отвечаю трубке, узнав голос Дариналь, старшей из трех принцесс.

– Так вот, теперь знай. Ты самый гадкий негодяй из всех негодяев.

– А могу я узнать у Вашего высочества, на чем основано такое утверждение? – интересуюсь я, понимая, что невольно чем-то здорово обидел прежде более чем лояльную принцессу.

– Мало того, что ты позволил казнить невиновного человека, ты еще и устроил из этого представление для всей страны. Ты даже больше, чем негодяй. Ты…

– Извини Эзарт, у Дариналь истерика, – Суховато заявляет наконец-то появившийся Маннейг, – Я надеюсь, ты не придаешь значения ее словам?

– Каким словам, ваше Величество? Я ничего не расслышал, что-то с телефоном. Как Вам понравилась казнь? – вежливо подсыпаю соли в семейную жизнь короля. Похоже, там все не так гладко, как пребывало год назад.

– Все было отлично, спасибо Эзарт, ты правильно придумал, народ должен видеть своими глазами как вершится правосудие в нашем королевстве. Приходи завтра на обед, будут послы из Таглара и Дижана, мне нужен твой совет.

– Непременно Ваше Величество. – кисло улыбаясь, соглашаюсь я, прекрасно понимая, что после годового перерыва мне не удастся отвертеться от приглашения, тем более, высказанного таким тоном. Король редко бывает серьезен, обычно он шутлив и легкомыслен. Положение вдовца дает молодящемуся донжуану массу возможностей проверять на крепость чувства многочисленных претенденток на пустующую половину трона, поэтому обычно делами королевства занимаются советники и доверители.

Положив на место трубку, отправляюсь в дальний конец коридора, где расположена моя спальня. Именно там находится потайной ход из замка, а мне сегодня просто необходимо немного побродить по городу, своими глазами посмотреть на настроение жителей, послушать их разговоры.

Я почти прошел мимо комнаты, в которую приказал поместить Трика, как что-то насторожило меня. Жизнь в низранском рабстве, как ни странно, кроме вреда, принесла мне и несомненную пользу. Я настолько привык постоянно находиться настороже, что это выработало вовсе не лишнюю для моей работы черту характера. Вот и сейчас, сам еще не понимая зачем, я дернул дверь в комнату, и не успел еще всерьез удивиться тому, что она не заперта, как осознал, что случилось несчастье.

Холодея от ужасного предчувствия в два прыжка влетаю в комнату, и сдергиваю одеяло с человека, скорчившегося на кровати. Однако действительность оказалась куда хлеще самых страшных предположений. Обмотанный простынями, с салфеткой во рту, на кровати лежит Руиз, мой секретарь. Потрясенный увиденным, непроизвольно рявкаю крепкое словцо, почерпнутое в юности из матросского лексикона. Бедный пленник ошеломленно вытаращил глаза. Я мысленно осадил себя, вспомнив высказывание моей мамы, что мат обнаруживает умственный недостаток мужчин. Интересно, а что же он показывает у женщин, язвительно размышляю, разматывая Руиза и отпаивая его водой. Прошло несколько минут, покуда секретарь смог заговорить.

– Куда он пошел? – интересует меня один вопрос.

– Не знаю, – запинаясь, бормочет бедняга, – он у меня все ключи забрал.

Веселенькое дельце. Да этот сумасшедший уже, наверное, на полпути в Марофель. Ведь задержать его на выходе сегодня некому, от постоянных стражников я отказался категорически, ссылаясь на то, что построенный несколько веков назад замок по неуязвимости скорее напоминает крепость, чем обыкновенное жилище. Снаружи проникнуть в мою резиденцию практически невозможно. Тем более, что на всякий случай я установил скрытые видеокамеры и сигнализацию. Зато изнутри… достаточно иметь ключи.

Так, стоп. А ведь камеры должны были записать беглеца, сообразил я, мчась в свою комнату.

Пять лет назад огромный письменный стол после некоторого усовершенствования техниками отдела приобрел неоценимые качества. После того, как я нажал в определенном порядке на прекрасно выполненные старинными резчиками фигурки животных на кромке столешницы, из-под нее

выдвинулась тонкая пластинка панели управления. Легкие прикосновения пальцев и над столом возникло трехмерное изображение двери. Она была прикрыта, но из замочной скважины торчала вычурная головка ключа, а на кольце висело не менее трех десятков его собратьев от всех помещений замка.

– Ну не идиот ли этот Руиз? – Сквозь зубы рычал я, приказывая компьютеру вернуть запись на полчаса назад. Так, дверь заперта, никого, дальше, дальше, ага, идет голубчик.

Что за черт. Это-же…

Я не верил своим глазам. Около входной двери, торопливо подбирая ключ, стоял я сам. Я даже машинально взглянул в огромное старинное зеркало в массивной кованой раме, которое скрывало за собой дверь в потайной ход. Высокий, плечистый, смуглый, горбоносый старик с выразительными синими глазами и курчавой серебристой растительностью вокруг рта отразился в мутноватом стекле старого зеркала.

Ну да, это и есть я, Эзарт Раз, точно такой, каким мне надлежит быть в этом мире. И этот вид мне даже нравится, хотя не стоит показывать его Тези. А мой двойник тем временем отпер дверь, и, воровато оглянувшись, выскользнул на улицу. Я возвращаю назад этот кадр и, увеличив его, вижу то, что и предполагал. Неплохо загримированное лицо Трика в затемненных очках и с наклеенными усами. Ну, подожди, неблагодарный, доберусь я до тебя.

План дальнейших действий вырисовывается сам собой. Трик опережает меня на двадцать минут, следовательно, я должен поторопиться. Одним движением руки снимаю с головы внешность тайного советника и открыв потайной шкаф, секунду думаю, в кого бы превратиться.

Что если… а почему бы и нет? Никого не удивит, что за тайным советником бежит его собственный секретарь. И не каждый заметит небольшое несоответствие в росте. Маска Руиза на голову, темно-зеленый плащ вместо черного, вышитого серебром, шляпа, походный кошель на пояс, и бегом в комнату Руиза. Он уже шел навстречу по коридору, и, увидев меня, оцепенело замер. По его потрясенному виду понимаю, что за год спокойной жизни секретарь успел подзабыть, что такие фокусы я проделываю не первый раз.

– Ну что встал как столб? Идем, запрешь за мной двери, – рычу я, пролетая мимо него.

– Но, Эзарт. Тебе нельзя в таком виде. Это… опасно. – пытаясь догнать меня, выкрикивает он.

Догнать меня ему и раньше не удавалось, а теперь он похоже и вовсе не в форме. Расслабился. Разъелся. Совсем бегать разучился. Придется взяться за тебя всерьез, бурчу я, вылетая из дверей.

Но пробежав несколько метров, резко останавливаюсь, наткнувшись взглядом на новенькие кованые ворота гаража, под который, чтоб не портить внешний вид замка пристройками, мне пришлось выделить часть огромного холла. Черт возьми, как я мог забыть, что год назад приобрел собственную машину, вместо приезжавшей каждое утро служебной.

– Руиз, открой мне гараж. – Кричу секретарю, вернувшись и дергая ручку двери.

Слышу, как гремит цепочка, поворачивается ключ и в двери приоткрывается щелка.

– Что нужно? – пряча бегающий взгляд, лепечет он.

– Ты что, с ума сошел? – чувствуя, как внутри нехорошо поджимается желудок, возмущаюсь я. – Это же я, Эзарт, открой.

– Ты не Эзарт, ты Руиз, – ухмыляется этот гад и, смелея на глазах, начинает импровизировать, – и ты выпустил на свободу преступника. Эзарт выгнал тебя, и сейчас звонит в полицию, чтоб вас обоих задержали.

– Ты уверен? – Спрашиваю почти ласково, перечисляя про себя все нелюбимые мамой слова.

– Уверен. – нагло усмехается он, пытаясь захлопнуть дверь.

Но моя левая нога уже заняла щель между дверью и косяком и не дает ему это сделать. Однако секретарь и не думает сдаваться. Пропав на секунду из виду,

он возвращается со здоровенной железякой, типа лома, которой на ночь закладывает дверь. Это приспособление Руиз придумал сам, и очень этим гордится. Встав напротив щели, он повыше поднимает железяку, и я точно знаю, что будет с моей ногой, если я её не уберу. Но и убирать её раньше времени тоже нельзя, обнаглевший секретарь моментально захлопнет дверь. При всём том, дать ему время на размышление будет непростительной глупостью с моей стороны. Поэтому, не убирая ноги, но держась наготове, я начинаю подначивать предателя: – Неужели у тебя хватит смелости ударить своего хозяина? Как же быстро ты забыл все добро, что я тебе сделал. Прекрати эти глупости, открой по-хорошему. Ведь все равно ничего ты мне не сделаешь.

Сделает. Еще как сделает. По глазам вижу. Становится поудобнее, поднимает свой лом и бьет как колом, норовя проткнуть мне ногу. Я молниеносно ее убираю, и лом, стукнув по граниту пола, скользит в щель. Руиз, опомнившись, пытается дернуть его назад, но, придерживая руками дверь, я со всей силы бью ногой по железяке. От неожиданного рывка предатель выпускает свой конец лома, и он падает ему на ногу. Раздался истошный вопль и негодяй, забыв про меня, с воем и стонами рухнул на пол. Не теряя времени, тащу лом к себе и как рычаг засовываю в щель. Хорошенечко нажав пару раз, слышу звон лопнувшей цепочки и дверь распахивается.

Ворвавшись в полутемный холл, поднимаю Руиза за шиворот и, заглянув в его ввалившиеся от ужаса глаза, понимаю, что не смогу его бить, как бы мне этого ни хотелось. Заперев дверь, волоку поскуливающего секретаря к лестнице, раздумывая по пути, где бы его запереть на время моего отсутствия. Проходя мимо двери в кухню, случайно вспоминаю, что там есть кладовая без окон и, не раздумывая, тащу секретаря, теперь уже бывшего, туда. В кладовой хорошенько связываю предателя замысловатыми морскими узлами, которые еще в юности научился вязать в яхт-клубе на родной планете. Подумав, засовываю предателю в рот столовое полотенце и с чистой совестью запираю кладовую на ключ.

Хорошо еще, что никого из слуг сегодня нет в замке, радуюсь про себя, спускаясь по лестнице. Руиз накануне посоветовал мне всех отпустить до обеда, чтобы не помешали освободить Трика. Он был в курсе моего плана, я доверял ему, потому что пять лет назад выкупил из плена, и он клялся, что никогда этого не забудет. Что-то зацепило меня в этих размышлениях, и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, я вернулся в кладовую. Заслышав, как открывается замок, секретарь раздраженно крикнул:

– Ну, наконец-то. Я уж думал, никогда тебя не дождусь.

Я распахнул дверь. Руиз уже умудрился сесть и выплюнуть кляп, который из жалости я не стал засовывать очень туго. Однако и напористый же гад. Но больше всего меня поразили его слова. Выходит, он действовал не один, и в замке должен быть пособник. И отпустить слуг он мне советовал не потому, что боялся за мой план, а потому что они могли помешать его собственным. А слова «наконец – то» могли означать только одно – сообщник где-то близко. Поэтому я мгновенно развернулся и лицом к лицу столкнулся с огромным дижанцем. В руке он держал стандартное оружие этого народа – увесистый широкий топорик. Если человека хорошенько приложить этим милым инструментом, ему не поможет никакая медицина, даже суперсовременная моего мира.

Понимая это, я не стал даже пытаться нападать на него, а, просто шагнув назад, ждал первого удара. И он не замедлил его сделать. Размахнувшись своим страшным топором, дижанец весь подался ко мне, намереваясь разрубить меня сверху донизу. И, когда он, со всей своей дури, уже летел на меня, я, молниеносно нырнув вправо, схватил его за левую руку и изо всей силы подтолкнул по ходу его движения. И этой нашей совместной силы как раз хватило ему, чтоб намертво врубить топор в косяк двери и рухнуть на колени. В тот же миг я подскочил к нему сзади и врезал ребром ладони по мощной шее. Дижанец обмяк и больше не шевелился.

Переведя дух, я задумался. Нужно было побыстрее куда-нибудь деть этих заговорщиков, потому что по городу гуляет безрассудный изобретатель, и из-за его сентиментальной глупости могут рухнуть так тщательно подготовленные программы отдела. Для начала я связал дижанца и вырубил Руиза, чтобы он поменьше видел. Потом отнес секретаря наверх, и, заклеив ему рот пластырем, положил в огромный старинный сундук в одной из нежилых комнат, которых в замке было больше десятка.

Вернувшись на кухню с покрывалом, я перекатил на него дижанца и волоком оттащил на второй этаж к тайной дверце в новую башню. Через эту дверь мы сегодня утром вывели Трика, после того как он остался в камере один, а я включил в трансляцию заранее подготовленный мультик. Притащив бандита в камеру, я немного отдышался и заодно придумал, что с ним делать дальше. Даже с моими тренированными мускулами пришлось попотеть, пока, наконец, груда мышц была пристегнута к стойке гильотины. Впрочем, самой гильотины как таковой тут никогда и не было. Я категорически против смертной казни,

потому и изобрел эту башню, чтобы на примере пары – тройки «казненных» невинно осужденных, можно было переломить общественное мнение на этот счет.

Теперь пора было отправляться за Триком. Однако теперь идею насчет внешности Руиза я больше не считал такой уж удачной. Поэтому пришлось вернуться в спальню, и переодеться в самого банального служащего. В Марофеле, как и в любом городе, их сотни, и с такой внешностью я могу не опасаться привлечь чье-нибудь особое внимание. Вот только машиной теперь воспользоваться уже не придется, она у меня слишком заметная, чтобы принадлежать простому служащему. Да и идти напрямик через дверь мне как-то расхотелось.

Мысленно похвалив себя что не додумался выдать Руизу секрет потайного хода, хотя, если честно признаться, уже был почти готов, я запер дверь своей спальни изнутри на задвижку и отодвинул зеркало. За ним виднелась покрытая паутиной крепкая каменная стена, даже на простукивание не выдающая своего секрета.

Интересно, чем таким занимался афиец, построивший этот замок?

Нажимаю тайный рычаг и дверь открывается без малейшего скрипа. А вот уж об этом позаботился я, как и о том, чтобы на протяжении всего тоннеля было электрическое освещение. Войдя в проход, ставлю на место зеркало, закрываю дверь и начинаю спуск по узенькой лестнице, идущей внутри стены. У этой лестницы есть еще один секрет, в каждую из комнат, мимо которых я прохожу, сделан потайной глазок. Однако я никогда этим не пользовался, потому что установил микроскопические видеокамеры во всех интересующих меня помещениях.

Дверца в конце тоннеля ведет в незаметную с дороги, узкую расщелину в скалах, заросшую кустарником. Отсюда до города несколько сотен метров по протоптанной крестьянами дорожке. Каждое утро они спускаются здесь в город с бидонами молока и корзинами с сыром, творогом, маслом.

Обдумывая, с чего мне начать поиски Трика, я бодро топал среди буйно цветущих трав и кустарников, когда сбоку от меня внезапно раздался треск и на дорожку вывалился грязно-белый меховой ком внушительных размеров. Не успев ничего сообразить, я инстинктивно отпрыгиваю в сторону и начинаю

лихорадочно рыться в кошеле в поисках оружия. И тут из кустов доносится такой заразительный хохот, что мне поневоле становится стыдно. Потому что животное садится среди травы и, обрывая лапами самые сочные стебли, сует их в рот. Как я мог не узнать шаку – афийскую корову, ведь видел их на базаре сотни раз. Мохнатые местные коровы мало напоминают дойных животных, встреченных мною на других планетах. Больше они похожи на медведей из моего мира, и по совместительству служат своим хозяевам охранниками.

И тут мне приходится открыть рот еще раз, потому что из кустов в обнимку с малорослым тагларцем появляется афийка. Они хохочут надо мной и отпускают шуточки насчет того, чем я хотел сражаться с шаку, ручкой или расческой?

А я пожав плечами, спешно ухожу от них, раздумывая по пути, как могло случиться, что афийская девица совсем не стесняется того, что ее застали в таком недвусмысленном общении с тагларцем. Еще полтора-два года назад отец за такую шутку запер бы дочку в подвале и не выпускал до свадьбы.

Тагларцы коренные жители этого материка и занимают лучшую его часть, богатые субтропики на севере. Пища там буквально падает в рот с каждого дерева, поэтому утруждать себя работой мужчины не привыкли. Собирают плоды и обустраивают нехитрый быт женщины, мужики же заняты бесконечными состязаниями. В танцах, прыжках, метании копий, да во всем.

Коренастые, черноглазые, меднокожие аборигены с короткостриженой рыжеватой кудрявой шевелюрой, не очень красивы на мой взгляд. Одетые в неизменные широкие шорты и вязаные шапочки тагларцы чем-то напоминают мне гномов со старинных картинок.

Афийцы наоборот, очень красивая раса. Высокие, темноволосые, пропорциональные, с оливковой кожей правильных лиц и большими серыми или голубыми глазами. Но не это определяет мои симпатии как коммуникатора. Афийцы еще и очень трудолюбивый и одаренный народ, далеко опередивший в своем развитии остальные расы Корвана.

На этот континент они пришли после трагедии разыгравшейся на их родном острове Афия около тысячи лет назад. Вулкан, занимавший центр Афии, считался погасшим, но после нескольких тысячелетий спячки внезапно начал подавать признаки жизни. Причем все чаще и мощнее.

Вартор, правящий король Афии того времени, был одним из самых просвещенных людей в королевстве. Он всерьез занимался различными науками, в том числе геологией и первым предсказал извержение вулкана, несущее грандиозные разрушения. И отдал приказ срочно строить корабли и лодки. Афия, являвшаяся к тому моменту торговым центром Корвана и так имела их немало. Однако чтобы вывезти всех, требовалось намного больше, поэтому все жители вышли на верфи.

Помогали даже дети и старики, а когда подземные толчки стали почти непрерывными, король приказал всем покинуть остров. Сила его авторитета была столь высока, что случаев неповиновения не было. Но никто не мог сдержать слез, когда родина скрылась за горизонтом. По приказу короля, пока строились новые корабли, уже построенные не стояли без дела. Отправленные на поиски места, где бы народ Афии мог переждать катаклизм, они остановили свой выбор на пустынных предгорьях южной части материка Тагл и начали перевозить туда детей, женщин, стариков, животных и запасы продовольствия.

Всего две недели прошло с того дня, как королевский флот бросил якоря в удобной бухте на западном побережье Тагла. Не успели еще переселенцы обжиться во временных, как они считали, убежищах, как вулкан взорвался. Взрыв был такой силы, как пишут историки, что две недели над материком стояла кромешная ночь. Волна выбросила корабли афийцев на скалы и разметала в клочья все, что хранилось на берегу. Зато люди остались в живых.

Когда тучи рассеялись, Вартор послал на разведку уцелевшие корабли. Но вернувшись на берега Тагла, они принесли печальные вести. У афийцев больше не было родины. Лишь несколько посыпанных пеплом скал торчало на месте Афии. Нелегко было начинать все с нуля, но трудолюбие и воля сделали свое дело. Через несколько десятков лет дижанцы, потрясенные гибелью Афии, добрались до берегов Тагла и их изумленным взорам предстали каменные дома и молодые сады Марофеля, новой столицы афийского народа.

Раздумывая над историческими событиями я быстро дошел до окраины города. С этой стороны у Марофеля не было стен, потому что выше моего замка и дороги к горным деревням были только покрытые вечными снегами Айлинские горы.

Мой приход никого не заинтересовал, было время обеда и улицы, харчевни и магазины наводняли спешащие по делам люди. Я шел в их потоке и попутно прислушивался к разговорам о казни Трика.

Однако такое неординарное событие, как первая трансляция казни, казалось, почти никого не тронуло. Лишь несколько раз я услышал вскользь брошенные слова или обрывки фраз, а в основном люди говорили об обыденных делах.

Это показалось мне очень странным, как и слишком часто мелькавшие на площадях и улицах столицы вязаные шапочки. Тагларцы и прежде изредка попадались в городе, но теперь туземцем оказывался каждый четвертый. Вот в лавочке торгует тагларец, другой правит повозкой, запряженной низкорослыми, мохнатоногими лошадками, третий тащит корзины с зеленью.

И это было так же неожиданно, как и подозрительно. Год назад я сам сообщал в отчете, что за малым исключением тагларцы ленивы и беспечны. А сегодня шагу не могу ступить, не наткнувшись на деловито бегущего куда-то тагларца. Что за событие заставило их так резко переменить привычный образ жизни на чужой? А самое главное, почему никто из агентов, работающих в Марофеле и других городах Афии, не обратил на это внимания?

Решив, что займусь этим явлением сразу после того, как разберусь с Триком, сворачиваю в боковой переулок, ведущий к дому его матери. Старый каменный дом, стоящий в глубине сада, я надеялся найти по памяти, или спросить кого-нибудь. Однако все оказалось значительно проще. Я нашел бы этот дом, даже если на тротуаре перед запертой калиткой не стояли два кохра.

Просто сам тротуар не было видно из-за огромной кучи цветов, разбросанных вокруг.

Вот это новость. Оказывается, я не так уж одинок, как считал, в своем неприятии смертной казни. Несколько женщин с букетами в руках шли мне навстречу, и, несмотря на предупреждение кохров, начавших орать задолго до того как женщины поравнялись с калиткой, бросили через забор свои цветы. Разъяренные стражи с таким подозрением встретили мое приближение, что мне пришлось пройти мимо с самым равнодушным видом, какой смог изобразить. О том, чтобы обратиться с вопросами к королевским стражам, не могло быть и речи.

Обойдя этот ряд домов вокруг, я решил подобраться к дому Трика сзади.

Наверняка он тоже не решился идти напролом. Даже в облике Эзарта.

С тыльной стороны сады, окружающие постройки, защищала высокая изгородь, через которую вырывались наружу ветви буйно цветущих кустов и деревьев. Это еще раз напомнило мне, что в Афии сейчас весна. Я топал по еле заметной тропке между этой оградой и глубоким овражком, по дну которого текла еще бурная от талого снега горная речушка. На другом, каменистом берегу виднелась сквозь кусты городская стена с чередой сторожевых башен.

Бредя вдоль изгороди, я вдруг понял, что с этой стороны не смогу найти сад Трика. Заборы и кусты сливались в один ряд, и рассмотреть сквозь густые заросли строения я не мог. Тем более, как выглядит его дом со стороны сада, вообще не знал.

После этого открытия идея зайти с тыла уже не казалась мне такой удачной, как недавно. Тем не менее, я шел все дальше, внимательно разглядывая кусты и заборы. И в тот момент, когда я уже был уверен, что зря трачу время на прогулку под чужими садами, что-то щелкнуло у меня в подсознании.

Я резко остановился и, обернувшись, начал внимательно разглядывать зацепивший меня куст. В пышной округлости цветущей ветви резкой дисгармонией выделялось пустое место. Кто-то рвал цветы. Но почему именно здесь? Я пролез сквозь кусты к забору и склонился, разглядывая землю. На непросохшей почве были хорошо видны густо присыпанные лепестками следы. Причем явно не одного человека. И они вовсе не стояли спокойно. Тут вырван клок травы, дальше вытоптана целая полянка мелких желтых цветочков. Так что же здесь происходило-то? Я шагал вдоль забора, внимательно рассматривая эти следы, и интуиция заставляла мрачнеть все сильнее. Ничего хорошего я уже не ожидал, и все же в груди противно похолодело, когда взгляд выхватил лежавшую чуть в стороне сорванную цветущую ветвь.

На бело-розовых лепестках грубо смятых цветов грязно темнели бурые капли крови.

На этом месте явно была драка, и кому-то пришлось несладко. Я шел по каплям крови как собака по следу. А их становилось все больше, и, наконец, под деревцем я увидел целую лужицу, залившую молодую травку. И прямо от нее по земле тянулся примятый след, как будто здесь проволокли мешок с песком.

Похоже, не зря меня терзали дрянные предчувствия. Здесь произошло убийство и мне предстояло выяснить, кто кого убил. И ни одна из версий меня не устраивала.

След протянулся под кустами через тропинку и дальше вниз, в овраг. Я лез туда, зверея с каждым шагом. Ситуация становилась неуправляемой, а это я ненавидел больше всего, но сделать ничего уже не мог.

На сырой глине склона след был виден еще лучше, он петлял между кустов и камней, неотвратимо направляясь вниз. И если след уйдет в мутную воду, значит, убийца благополучно избавился от трупа.

Предчувствуя, чем все закончится, обреченно огибаю растущий около самой воды густой колючий куст, и внезапно натыкаюсь взглядом на торчащий из него кончик сапога. Еще не веря себе, я поспешно раздвинул колючие ветви и обнаружил чье-то неподвижное тело, завернутое в мой лучший плащ.

Эх, Трик. Ведь просил же я тебя не выходить из дома. Даже не надеясь ни на что, беру пальцами запястье трупа. И вдруг чувствую толчок. Слабый, но есть. И другой. И третий. Сдергиваю со своей руки неказистый на вид серебряный браслет и, застегнув на руке Трика, нажимаю на украшающий безделушку блеклый камушек. На самом деле это инфо и он не только определит состояние раненого, но и впрыснет необходимое лекарство.

А пока инфо оказывает первую помощь, разматываю плащ, чтобы осмотреть раны и определить, как его переносить. Однако разглядев лицо жертвы, с изумлением понимаю, что это вовсе не Трик. Хотя, несомненно, раненый тоже афиец, и возраст у них примерно одинаков, но черты лица совсем другие. У этого они грубы и мужественны, тогда как Трик имеет более тонкое, одухотворенное лицо.

Ну и денечек у меня сегодня выдался. Сюрприз за сюрпризом. И куда мне теперь девать этого парня? Хотя даже если бы это был Трик, передо мной стояла бы та же проблема. Во всяком случае, бросить его здесь я не могу, придется ждать, пока стемнеет. Оглядевшись по сторонам, нахожу кочку посуше, где можно присесть. И едва успеваю сделать пару шагов к облюбованному месту, как слышу звук шагов, направляющихся в мою сторону. Тихий голос, в котором я немедленно узнаю голос Трика, вежливо предупреждает:

– Осторожно, доктор, тут скользко, еще немного, почти пришли.

Черт, а что же мне-то делать? Спрятаться не успеваю, да здесь особенно и негде, к тому же на руке у раненого мой браслет, абсолютно узнаваемая вещица. Маннейг даже выговаривал мне однажды, что я ношу неподобающие моему положению украшения. Пришлось врать, что это память о друге. Правда, придворная сплетня живо переделала друга в женщину, и это, честно говоря, сыграло мне неплохую службу, помогая держать на расстоянии назойливых дам, мечтающих стать хозяйкой моего замка.

А шаги тем временем уже рядом, и едва из-за кустов появляются две фигуры, решаюсь на аферу. Приняв самую непринужденную позу, встречаю пришедших упреком.

– Ну, наконец-то. А то я уже беспокоиться начал.

Они останавливаются резко, как вкопанные, и я имею прекрасную возможность рассмотреть, кого привел Трик. Седой доктор Тормел Кас хорошо мне знаком. Это один из тех лекарей, которые вполне могли бы отлично прожить на гонорары состоятельных клиентов, но никогда не отказываются бесплатно лечить всех, кто в этом нуждается.

Второй, несомненно, Трик, хотя на нем теперь надет камзол песочного цвета, явно с чужого плеча. И на лице вместо седых завитков а-ля Эзарт черные кокетливые усики. А вот темные очки все те же, Руиза.

– А мы… мм, а ты… мм, – растерянно мямлит доктор и вопросительно смотрит на Трика – ты мне не говорил.

Трик не успевает даже рот открыть, как, перешагнув через камень, я уже держу его за руку.

– Не торопись совершать ошибки, ты их сегодня уже достаточно наделал. – шепчу ему на ухо.

– Доктор я сейчас помогу вам, – нервно лепечет он, пытаясь высвободить руку.

С тем же результатом он мог бы дергать ее из медвежьего капкана.

– Посмотри на браслет, который я надел на руку того парня, что лежит в кустах – тихо предлагаю Трику, и, глядя как доктор, раскрыв свой сундучок, копошится в нем, громко предупреждаю, – Доктор, я уже дал ему лекарство, нужно только перевязать рану.

– Какое еще лекарство? – бурчит Тормел – ты что, врач?

– Я фокусник, делаю разные трюки, – ухмыляюсь я, не отпуская Трика – но лекарство очень хорошее, не сомневайтесь.

Подозрительно поглядывая на меня, он пробирается к раненому и как бы невзначай берет за руку. Мой браслет плотно обвивает запястье потерпевшего и помогает ему в этот момент значительно больше, чем смог бы Тормел.

– Где-то я уже видел такой, – взглянув на украшение, бормочет доктор, – смешная вещица.

Вот такого отзыва о своем инфо я еще не слышал.

– А что в нем смешного? – безразлично интересуюсь я – Обычный браслет.

– Ну нет. – живо возражает Тормел, ловко бинтуя голову раненого. Вот оказывается, куда его Трик приложил. – Не обычный. Обратите внимание на орнамент. На типично мужском по форме браслете выгравированы цветочки. Тогда как все знают, что это символ женщины. Такой браслет могла подарить мужчине очень хитрая женщина, как бы предупреждая возможных соперниц, что этот мужчина уже занят. Постойте, я вспомнил. Это же браслет Эзарта.

И тут доктор, закончив бинтовать голову, начинает разворачивать плащ, чтоб осмотреть раненого. Внезапно его руки замерли, и, поднявшись во весь рост, он заявляет, потрясенно глядя на Трика:

– Я все понял. Ты обманул меня. Вы убили Эзарта. На Бамете его плащ и браслет. Вы втроем напали на него, и убили. А он, отбиваясь, поранил Бамета. Вот почему ты не хотел сказать мне свое имя.

Трик только беспомощно разводит руками. Все опять повернулось против него. Если сейчас честный доктор вызовет стражу, Трика казнят снова, теперь за убийство Эзарта. И что самое смешное, меня с ним вместе. Нужно было срочно разруливать ситуацию.

– Подождите, доктор. – уверенным тоном заявляю я, – Вы неправильно все поняли, и я вам это докажу.

– Попробуйте. – строптиво отозвался он.

– Я человек Эзарта. – твердо объявляю ему. – Этот плащ и браслет были на мне, когда этот парень напал на меня.

Показываю на Бамета и продолжаю:

– Это я его ударил защищаясь. А этого человека – теперь мой палец упирается в Трика, – я попросил позвать вас. Если вы спросите, этого человека – снова жест в сторону Трика, – он может показать вам, где я бросил накладные усы и бороду.

Изобретатель уже поймал, как хороший игрок, брошенную мной мысль и торопится подыграть:

– Да это правда, я могу показать, это вверху, за тропинкой, под кустом.

– А зачем ты натянул свой, я имею в виду, Эзарта плащ на раненого? – сомневается дотошный доктор.

– Понимаете, доктор, – начинаю объяснять я, как вдруг вижу за спиной Тормела странную сигнализацию Трика, он делает рукой жест, как бы обрывая усы и потом горестно прикладывая снова к губам. Интересно, что он хочет этим сказать? И вдруг до меня доходит. – Понимаете, доктор, пока мы боролись, усы оторвались, и я больше не был похож на Эзарта. Вот я и поменялся с ним одеждой. А вы, если сохраните плащ и браслет советника, можете рассчитывать на его благодарность. Он мне говорил, что помогает вам лекарствами для бедных, так вот, я думаю, теперь будет не против помочь еще.

– Надеюсь, это правда, – вздыхает Тормел, – ваш вид почему-то внушает мне доверие. А я обычно в людях не ошибаюсь. – А как мы вынесем отсюда раненого?

– Я попробую, – говорю доктору, а вы положите плащ Эзарта в свой сундучок, я не хочу, чтоб его еще кто-нибудь увидел.

– Понимаю, – усмехается Тормел, – сегодня это не лучший маскарадный костюм. Я вообще удивляюсь, как тебя на улицах не побили, наверное, стражников побоялись.

Так. Чем дальше, тем интереснее. За что это меня сегодня все должны бить? И как гладко прошла история с нападением этого Бамета на Эзарта.

Кто он вообще-то такой, кажется доктор с ним знаком?

– А скажите, доктор, – небрежно спрашиваю я, вытащив раненого на тропинку, – Вы его знаете, кто он?

Но доктор вдруг замыкается.

– Не знаю, – бурчит он себе под нос.

Так я и поверил. То по имени называл, а то сразу не знает. Боится, что я мстить начну или Эзарту скажу. То есть, сам себе. Ну ладно, позже узнаю.

– Бамет – это лучший друг Трика, – вздыхает Трик, заработав за это признание осуждающий взгляд доктора.

Ничего себе, друзья, чуть не поубивали друг друга. Хотя нет. Бамет бил не Трика, он бил Эзарта. Трик-то был в моем плаще. Действительно, не лучший маскарадный костюм.

– А куда мы его, собственно, тащим? – интересуюсь я, пройдя с Баметом на руках уже добрую половину тропинки.

– Еще немного, – командует Трик, – вот здесь можно положить. Доктор, вон там за кустом калитка, она не заперта, это его дом. Позовите кого-нибудь на

помощь, а нам пора идти.

– И не забудьте, Эзарт будет вас ждать. – Тихо добавляю я, не выпуская Трика из виду.

– Надеюсь на вашу честность, молодые люди. Надеюсь на вашу честность. – Кивает на прощание доктор, направляясь к калитке.

Мы быстро уходим по тропинке в сторону моего замка, и я готов схватить Трика в любую секунду, если он вздумает от меня удирать. Его покорный вид меня больше не обманет. Я уже поверил ему сегодня, и это недешево мне обошлось. Однако он не делает попыток сбежать, наоборот, подсказывает переулки, где можно пройти так, чтоб нас видело поменьше народу.

Наконец мы за городом, до замка осталось совсем немного. И тут я вспоминаю, что вышел через потайной ход и дверь мне отпереть некому. А если даже вернулись слуги, то нас в таком виде они ни за что не впустят. Придется возвращаться через потайной ход, а делать это вместе с Триком мне как-то не хочется. Значит, остается один выход – отключить его и тащить на себе. Как будто я мало нынче натаскался.

– Давай посидим немного, – неожиданно просит Трик, – я устал, и ничего еще не ел сегодня.

Нашел чем удивить. Я сам из-за него только чашку кофе утром выпил.

– А зачем сбегал? – говорю сурово, садясь на камень. Пусть знает, что его маскарадом меня не провести.

– Да я и не хотел уже, – вздыхает Трик.

– Тогда зачем? – Настаиваю я.

– А ты дай слово чести, что никого не накажешь.

Я чуть было не брякнул что даю, как опомнился. А с кого это, он, собственно говоря, слово чести-то требует?

– Кто я такой, чтоб обещания тебе давать? – ворчу отстраненно.

– Тогда кто ты такой, чтоб вопросы мне задавать? – усмехается он. – Ну, если не хочешь, можешь не говорить, я не знаю как это у тебя получается, только я тебя еще там узнал. В овраге. И не по браслету, а по голосу и по поведению. Ты Эзарт, и я тебе обязан жизнью. Уже два раза.

Мы несколько минут сидим молча, пока я перевариваю, насколько близко от провала был сегодня.

– Ладно, говори, почему убежал, а я сам решу, кто виноват. И учти, до правды я все равно докопаюсь.

– Мне секретарь подсказал, Руиз. – Помолчав, признается Трик. – И плащ дал, и усы наклеил. И велел его связать и укрыть. И ключи дал. Только он не виноват, что мне посочувствовал, у него у самого мать далеко, он ее пять лет не видел. Не надо его наказывать.

Ну и Руиз. Пригрел же я себе змею на груди. А ведь еще год назад он буквально молился на меня. Откуда столько перемен за такой короткий в сущности период? И я тоже хорош, живу здесь уже три недели, а до сегодняшнего дня ничего не замечал. Хотя мне пришлось все три недели посвятить себя стройке башни. И не только днем, когда там работали каменщики, но и ночью, когда все тайные приспособления делали специально привезенные мною для этого минироботы.

– Я расскажу тебе потом про Руиза, он меня сегодня не только предал, но и хотел убить. – Устало говорю Трику, поднимаясь с земли. – Пойдем, нужно спешить.

Решение пришло ко мне, пока я сидел на пригретом весенним солнцем камне, разглядывая скорбную усмешку Трика. Кажется, он сегодня тоже сделал для себя немало открытий и это пошло ему на пользу. Ну держись, изобретатель, похоже у нас с тобой неслабые противники.

Трик о чем-то задумался, топая за мной по тропе, и очнулся только тогда, когда я, бдительно осмотревшись по сторонам, полез в кусты. Он оторопело обернулся,

чтоб убедится, что мы действительно находимся не возле парадного входа в мой замок.

– А где это мы? – растерялся изобретатель.

– Иди сюда, – сердито зашипел я, – да потише.

Трик покорно следовал за мной и только около расщелины, когда я отодвинул огромный камень, на всякий случай приставленный мной к отверстию, тихо спросил:

– Ты хочешь меня тут запереть?

Я повернулся к нему и внимательно посмотрел в глаза. В них не было страха, только горечь и разочарование. А вот это он зря. Я ведь еще ни разу не дал ему повода плохо подумать о себе.

– Мне нужна твоя помощь, – говорю ему мягко, – Но ты должен дать мне слово, что никому не расскажешь о том, что узнаешь. Ни маме, ни друзьям, ни Дариналь.

Последнее имя я добавил внезапно даже для самого себя, но именно оно произвело на Трика самое ошеломляющее действие. Он покраснел, смутился до слез и невпопад промямлил что-то невразумительное.

– Так я не понял, ты даешь слово помочь мне или нет? – тороплю Трика.

– Да, – подняв на меня честный взгляд, клянется Трик, – я помогу. И никому не скажу, слово чести.

– Тогда проходи.

Задвинув за ним камень, веду изобретателя к замаскированной с этой стороны дверце. Я давно сменил здесь старинный замок и теперь дверь открывается на мой голос. Шутки ради кодовые слова – «Сезам откройся.» – я говорю патетично и с удовольствием наблюдаю, как у Трика от удивления отваливается челюсть. По счастью, на этой планете нет сказки, аналогичной той, из которой я

позаимствовал этот код. Иначе Трик ждал бы, что окажется в сокровищнице, битком набитой деньгами и украшениями. А так он быстро сориентировался, и, когда мы оказались в моей спальне, практически не удивился.

Зато удивился я, услышав такие громкие удары в мою дверь, что сразу стало ясно – её ломают.

Сейчас сюда ворвутся и что увидят? Казненного преступника и его сообщника. Да что ж это за напасть. Надо хоть узнать, кто сюда ломится, прежде чем убегать обратно, соображаю я, и начинаю громко, чтоб перекричать стук, орать:

– Кто вы такие? Что вам нужно? Перестаньте ломать мою дверь.

– Это советник. – слышится за дверью голос моего шеф-повара. – Я узнал его голос. Господин Советник Эзарт, отзовитесь.

– Что тебе нужно, Лузид? – Кричу я, быстро напяливая перед зеркалом внешность Главного Советника. – Почему вы разбудили меня?

Киваю Трику на шкаф и прикладываю палец к губам международным жестом.

Сообразительный Трик моментально скрывается за плащами, туда же я сую снятый с себя наряд и запираю дверцу. Несколько последних штрихов и я уже готов открыть дверь, но неожиданно замечаю свои грязные сапоги. Сообщив себе тихонько, что я думаю по поводу собственных умственных способностей, сбрасываю сапоги и, открыв шкаф, зафутболиваю их туда.

– Простите, господин Эзарт, – льстиво оправдывается Лузид, – Мы волновались. Вы долго не отзывались. Мы нашли в кухне топор и боялись за вашу жизнь.

Излишняя слащавость его голоса настораживает меня, поэтому, быстро метнувшись к столу, достаю из потайного ящичка вещь, которой могу воспользоваться только в самом крайнем случае – волновой усыпитель. Или проще – станнер.

– Уже открываю. – отпирая замок, объявляю слугам.

Дверь распахивается, и я вижу двух вооруженных огромными ножами лакеев во главе с Руизом, а за ними повара Лузида, воровато прячущего взгляд. Великий космос. Да тут целый заговор.

– Держите его. – Кричит Руиз. – Сейчас я вам покажу, кто он такой на самом деле.

Слуги, угрожая ножами, теснят меня назад. Прикинув, что в комнате у меня больше шансов воспользоваться станнером, не упустив никого из нападающих, я отступаю, сделав вид, что не понимаю, о чем идет речь.

– В чем дело, Руиз, ты сошел с ума? Что такое ты говоришь, разве ты не узнаешь меня? Ты, наверное, болен. – Бормочу я, отходя к столу.

Если не удастся от них отбиться, хоть успею подать сигнал тревоги. На орбите планеты находится небольшая автоматическая станция, которая передаст мой сигнал на базу отдела. Агенты отдела проведут операцию по моему спасению, но миссия будет считаться проваленной. А этого я не должен допустить ни в коем случае.

Видя, что я не сопротивляюсь, Руиз осмелел. Желая побыстрее доказать свою правоту и тем самым подстегнуть свою команду к более решительным действиям, он выскакивает вперед и хватает меня за ворот плаща. Я очень не люблю, когда со мной обращаются подобным образом. И не желаю, чтобы он попытался содрать с меня присосавшуюся внешность, поэтому, не вынимая руку из кармана, нажимаю кнопку. И в тот же миг за моей спиной раздается жуткий, заунывный вой.

Слуги, глядя куда-то мимо меня, бледнеют на глазах. Лузид, шагнувший было в комнату, начинает мелко трястись и пятится. Уснувший Руиз медленно заваливается на пол, но никто не обращает на него внимания. Остекленевшие глаза его дружков устремлены за мою спину, но оборачиваться я пока не тороплюсь, прикинув, что это может быть ловушкой. А вой звучит снова, уже ближе и войско Руиза наконец не выдерживает. Внезапно развернувшись, первым удирает повар, следом, громко топая и завывая, как пожарные сирены, несутся прочь слуги, побросав по дороге свои ножи.

И только тогда я, наконец, оборачиваюсь поглядеть, что же могло так испугать моих врагов. Посреди комнаты, одетый в длинную белую ночную рубашку, которую подарила мне одна навязчивая дама, стоит Трик. Если учесть, что он содрал усики и очки, взлохматил волосы и красной ленточкой от подарка перетянул шею, можно представить, что подумали слуги.

Смех начинает душить меня при воспоминании об их побелевших, перекошенных от ужаса лицах. Трик, тоже хихикнув было, настороженно рассматривает валяющееся на полу тело предателя.

– Ты его убил? – наконец спрашивает он серьезно.

– Что у тебя за представления обо мне? – возмутился я, переставая смеяться. – Он просто спит. Давай-ка сунем его пока… ну вот хоть в шкаф. Кстати, а как ты-то оттуда выбрался, я вроде шкаф запирал?

– Сначала запирал. Потом сапоги бросил и не запер.

– Ладно, ты подожди меня тут немного, пойду, дам нагоняй этим идиотам. – командую я, выбираясь в коридор и запирая на всякий случай за собой дверь. Мало ли чего от него можно ждать, от этого Трика.

Спустившись на первый этаж, обнаруживаю, что кухонная дверь заперта изнутри.

– Если вы немедленно не откроете, то будете уволены без выходного пособия. Все до единого. – зло рявкаю я, грохнув кулаком в дверь.

– Мы и сами уйдем. – отвечает из-за двери чей-то дрожащий, испуганный голос.

– Тогда открывайте немедленно двери и выматывайтесь сейчас же. – рычу я, теряя терпение, – нечего занимать мою кухню. Ну. Долго мне ждать?

Некоторое время за дверью о чем-то яростно спорят и, наконец, осторожно осведомляются:

– Господин Эзарт, а вы там один?

– А с кем это я должен быть? – возмущаюсь я. – Разумеется, один.

– Тогда отойдите, мы выходим.

Я отступаю на лестницу, и дверь осторожно приоткрывается. Прислуга в полном составе, оглядываясь и трясясь, выбирается в холл и, отперев входные двери, исчезает за ними. Бурча про себя все ругательства, какие знаю, запираю за ними дверь, не забыв заложить любимым ломиком Руиза. Надоели мне сегодня неожиданности.

Я почти дошел до лестницы, собираясь немедленно выпустить Трика, но меня остановили доносящиеся из открытых дверей кухни восхитительно вкусные запахи. Сглотнув слюну, решаю захватить с собой кусок-другой, и вхожу в распахнутую дверь.

Великий Космос. Неужели я назначил прием и забыл об этом? На горящей плите в огромных кастрюлях варится, жарится и печется еда на целую армию, ну, на роту уж точно. Это что же, я что ли столько всего съедал? Оглядев все это шкворчащее и булькающее изобилие, ясно понимаю, что не куски нужно тащить наверх, а Трика сюда, и безотлагательно отправляюсь за ним.

Когда я отпер двери своей спальни, Трик зачарованно рассматривал книгу, которую утром я забыл убрать в шкаф. Это копия старинной книги моего мира, и я не имею права показывать ее никому. Каждая цивилизация должна идти своим путем, мы только помогаем избежать непоправимых ошибок.

– Откуда у тебя такая книга? – восхищенно спрашивает он, поднимая на меня взор ясных глаз, – я никогда не видел ничего подобного.

– Я потом все тебе расскажу, – останавливаю я Трика. Смутный план, который родился у меня в тоннеле, приобрел четкие детали и я спешу его выполнить. Первым делом достаю внешность Руиза и помогаю Трику ее натянуть.

– Этот материал, – объясняю ему попутно – очень крепкий, несмотря на то, что такой тоненький. В нем много крошечных дырочек. Кожа через него дышит, и можно даже купаться и умываться в маске, но лучше не делать этого без крайней необходимости. Теперь открой рот. Вот этот шарик я приклеиваю тебе к

нёбу, и теперь твой голос не отличить от голоса Руиза. Готово. Можешь есть и пить, этот клей не растворяется водой. Теперь пойдем в комнату Руиза, нужно, чтоб все вещи на тебе были из его сундука.

Эту задачу мы решаем довольно быстро, потому что по пути я объяснил Трику, что нас ждет на кухне. Правда вначале он несколько минут спорил со мной, не желая расстаться с простеньким на вид колечком, и приходится ему пообещать, что эту вещицу до времени я сохраню в своем потайном шкафу.

Уже на лестнице в нос бьет резкий запах чего-то пригоревшего.

– Надо было поменьше крутиться перед зеркалом, – бурчу я, мчась вниз, перепрыгивая сразу через две ступеньки.

– Можно было просто заняться переодеванием после ужина, – не уступает Трик, волоча за собой узел со своими старыми вещами.

Но ответить ему мне не дает едкий дым, валящий из кухонной двери. Стараясь не дышать, пробираюсь к окну, выходящему в небольшой садик, огороженный с одной стороны замком, с другой отвесной скалой а с двух других высокой каменной стеной, увенчанной узкой галереей. Тут уместилось лишь несколько деревьев и кустов, клумба в центре и скамейки вокруг фонтанчика.

Распахиваю окно, и тут же мимо меня туда летит вместе с противнем что-то черное, извергающее густой дым.

– Пирог сгорел. – объявляет Трик, крутя какие-то винты над очагом. – Вытяжка, похоже засорилась, чем они только здесь занимались, эти ваши слуги?

Чем, чем. Судя по количеству жаровен и кастрюль бурлящих на печи, ясно чем. Трик с явным пониманием дела заглядывает в кастрюли и противни, какие-то снимает, другие передвигает, что-то помешивает. Вытяжка понемногу утягивает дым, а свежий вечерний воздух, вливающийся в распахнутое окно, настолько усиливает и так разгулявшийся аппетит, что я, не подумав, хватаюсь за первую попавшую жаровню. Не одобренное мамой слово произвольно срывается с губ, и, сунув в рот обожженный палец, я некоторое время с рычаньем прыгаю вокруг плиты. Узел с одеждой Трика попадается мне под ноги и, срывая на нем досаду, я одним пинком забрасываю его в горящий очаг.

– Здорово. – оглянувшись, одобрительно кивает Трик, и ставит на стол огромные тарелки, наполненные кусками чего-то невообразимо вкусного. – Садись, все готово.

Всего через полчаса, дожевав последний кусок запеченного окорока и отодвинув от себя тарелку, я отчетливо осознавал, что банально объелся. И запивая ужин отваром трав, местным аналогом чая, желал только одного, добрести до своей кровати и рухнуть в нее, наплевав на все проблемы.

– Эзарт, ты хотел мне что-то рассказать о Руизе? – вежливо напоминает Трик.

Вот, еще и это. И, пожалуй, сейчас это самое главное, ведь Трику предстоит изображать из себя Руиза и он должен знать о нем как можно больше. Стряхнув с себя лень, начинаю рассказывать Трику сначала про события сегодняшнего дня, потом все, что я вообще знаю про Руиза. Больше всего Трика потрясло сообщение, что мать Руиза живет в Марофеле, но он с ней не общается по своей воле.

– Как это может быть? – недоверчиво качает головой изобретатель.

– Я выкупил Руиза у дижанцев, когда ездил к ним по поручению короля. Его отец был рыбаком, и попал в шторм вместе с сыном. Лодку выбросило на скалы у побережья Дижана, отец погиб, а Руиза подобрали дижанцы. И считали мальчишку своей законной добычей. Когда я привез его в Марофель, оказалось, что его мать, отписав все имущество младшему сыну, уже ушла в дом вдов. Ты же знаешь, что по закону изменить свое решение она теперь не может, а Руиз не простил ей того, как она распорядилась его долей.

– А сколько лет его не было? – заинтересовался Трик.

– Десять. Но документы мать подписала через пять, когда младший сын отпраздновал день мужчины.

Трик задумывается, неодобрительно покачивая головой, и наконец спрашивает:

– А что ты собираешься с ним сделать?

– Пока посажу в потайную комнату, на чердаке. – Вздыхаю я – Запри окна и распорядись тут, а я оттащу его.

– А потом?

– Еще не знаю, надо подумать. – Пожав плечами, выбираюсь из удобного кресла шеф-повара.

Руиз после ужина почему-то стал намного тяжелее. Я отволок его на горбу на чердак и запер в маленькой потайной коморке, оборудованной всем необходимым. Этот тайник устраивался мною на случай, если придется прятать кого-нибудь из друзей, или скрываться самому. По пути вниз мне пришло в голову, что еще нужно куда-то спрятать дижанца. Но сначала допросить. И заняться этим придется прямо сейчас.

Сообразив, что отдых пока откладывается, со вздохом сворачиваю в сторону потайной дверцы в башню.

Однако, похоже, сегодня ни одному из моих планов не суждено сбыться. Снизу раздается громкий стук в дверь, и голос Трика, то есть, теперь уже Руиза, зовущий меня.

– Кто там? – спустившись в холл, сердито рычу в переговорник.

– Откройте, Советник Эзарт, это офицер королевской охраны Низер Майд. – отвечает знакомый голос.

– А что вам нужно так поздно, Низер? – недовольно интересуюсь я, нажимая замаскированную под гвоздь кнопку наружной видеокамеры. Этот секрет раньше знали лишь я и Руиз, а теперь я намеренно посвящаю в него Трика.

Первый от двери камень стены превращается в экран и мы видим за дверью Низера в сопровождении четырех дюжих кохров. Можно разглядеть, как, неподалеку от них, выжидательно поглядывая на двери, топчется шайка повара Лузида. Нужно будет сегодня же скомандовать роботам поставить экран побольше, решаю я, пытаясь рассмотреть, нет ли за ними еще кого-нибудь.

– Мы пришли по официальному доносу. – бодро рапортует Низер, – об убийстве.

– И кто кого убил? – недовольно интересуюсь я.

– Вы, господин советник, убили своего секретаря. – прямо заявляет офицер.

– И кто вам сказал такую глупость? – Вспомнив про себя пару самых забористых словечек из своего резервного лексикона, холодно спрашиваю Майда.

– Ваши слуги, Господин советник, – чеканит бравый служака.

Я встречался с этим Низером раньше, он честен и неподкупен, но не страдает излишней сообразительностью.

– Господин офицер, – заявляю высокомерно, – Вам достаточно будет моего честного слова, что Руиз жив и здоров, или мне нужно позвонить Его Величеству Маннейгу Третьему, чтобы он прислал сюда Королевского рассудителя для разбирательства этого дела?

– Мне достаточно вашего слова, – неуверенно произносит Низер, – но слуги заявляют, будто Руиз сказал им, что вы не Эзарт.

Чертов Руиз, поплатишься ты за предательство, злопамятно обещаю я себе, а вслух говорю недовольно:

– Офицер Низер, сегодня я обнаружил, что мой повар и остальная прислуга нагло меня обворовывали. Я их всех выгнал, но не стал доносить на них за кражу, пожалев их репутацию. Но теперь, я официально заявляю вам, что всё, ими выдуманное, это лишь черная неблагодарность за мою доброту. Я открываю вам двери, чтобы вы могли во всем убедиться сами.

С этими словами я выключаю камеру и отхожу назад, подав Трику знак открыть дверь.

Лишь только дверь распахивается, отряд кохров врывается в холл и окружает меня, выставив впереди себя оружие. Плохи мои дела. Да неужели же жулик повар сумеет меня переиграть?

– Офицер Низер. – рявкаю во весь голос, – Обернитесь. Кого вы видите?

Низер оборачивается и лицом к лицу сталкивается с лже-Руизом.

– Э… это секретарь Руиз, – растерянно бормочет он.

– Ну, так кого я убил? – саркастически ухмыляюсь ему в лицо.

– Господин офицер, мы нашли секретаря в сундуке, связанного. Если не Эзарт, то кто его туда засунул? – подскакивает осмелевший не ко времени повар.

– Действительно, кто? – подозрительно глядит на меня Низер.

– Господин офицер, можно я объясню? – выдвигается вперед лже-Руиз. – Дело в том, что господин Эзарт это сделал, чтоб не выдавать меня.

– Руиз. – предупреждающе говорю я, лихорадочно пытаясь сообразить, не проболтается ли изобретатель.

– Извините, господин Эзарт, я скажу правду. – заявляет он, и я обливаюсь холодным потом. Какую такую правду собирается рассказать этот несчастный? А Трик продолжает, потупясь:

– Дело в том, Господин офицер, что сегодня днем я решил попробовать глюка.

– И где ты его достал? – перебивает его разом оживившийся офицер.

– У мальчишек на базаре купил, – Виновато вздыхает Трик. – Ну вот, глюк и ударил мне в голову, а господин Эзарт меня связал, чтоб слуги не увидели в таком состоянии. А они меня нашли и развязали, но я-то, еще под глюком был, вот и болтал всякое. А потом господин Эзарт дал мне лекарство, и теперь я полностью в своем уме.

– Это хорошо, что ты сам признался, кроме штрафа, на первый раз никакого наказания не будет. Но смотри, второй раз не попадайся. – делая знак кохрам, чтоб отошли от меня, назидательно вещает офицер. – Господин Эзарт, извините

за беспокойство, служба такая. Так что вы там заявляли насчет того, что вас обкрадывают?

– Ах, господин офицер, – томно вздыхаю я, с удовольствием наблюдая как Лузид и подтянувшиеся за ним слуги моментально испаряются из холла, – не желаете ли пройти на кухню, убедиться в правоте моих слов? Руиз, прикрой дверь, я не желаю сегодня больше никого видеть.

При виде запеченных окороков, жареной птицы и кастрюль источающих запашистый парок у Низера и его команды начинают течь слюнки.

– Руиз, угощай гостей, – подмигиваю я секретарю, – нам вдвоем этого добра за месяц не съесть.

– Да ведь и пропадет же все за месяц, – рассудительно вздыхает Низер, так основательно устраиваясь за столом, что мне становится ясно: теперь продуктам пропасть не дадут.

Трик ловко орудует кастрюлями и жаровнями, словно всю жизнь проработал поваром. Низер, смачно уничтожающий огромный кусок жаркого, тоже замечает это и, оторвавшись на секунду от мяса, сообщает свое одобрение Трику.

– Так у меня мать кухаркой работала, – беспечно откликается Трик – я около нее и научился.

Услышав такое заявление, я даже поперхнулся чаем, который пью за компанию.

– А мне говорили, ты у дижанцев в рабстве был, – простодушно бурчит офицер. – Я думал, это они тебя научили.

– Нет, у дижанцев я работал на полях, – Ловко выкручивается Трик, – у них только женщины готовят.

– Я слышал. – важно кивает Низер, протягивая руку за очередным куском.

Интересно, закончится когда-нибудь этот сумасшедший день, или нет, размышляю, прикидывая, сколько времени потребуется пятерым здоровым

мужикам, чтоб съесть все это продуктовое изобилие. Похоже, немало, матеря себя за несвоевременное гостеприимство, решаю я, и втихую вздыхаю. И, словно в ответ на мой вздох, по нервам бьет заунывный протяжный вой. Оглядываясь на Трика я чуть не ляпнул, что, мол, за идиотские шуточки, но по его растерянному лицу понял – он здесь ни при чем. Вой повторяется и идет он явно из башни. Чертов дижанец, очнулся не вовремя. Украдкой взглянув на Низера и кохров замечаю, как разом посерели и вытянулись их лица.

– Что это тт… такое? – бормочет один.

– Слуги говорили, помните? Вылез в белом. – дрожа, шепчет другой.

– Господа, не обращайте внимания, – приторно успокаиваю вояк, – это просто ветер.

– Ну да, ну да, ветер, – слишком быстро соглашается Низер. – Однако мы засиделись, нам пора, служба, знаете ли, просим прощенья за беспокойство, спокойной вам ночи.

Последние слова бравый офицер произносит, уже стоя на пороге услужливо распахнутой Триком двери. Через минуту маленький отряд стремглав несется по направлению к городу, а мы, заперев дверь, корчимся от хохота в жестких креслах холла.

Отсмеявшись, предлагаю Трику вместе допросить дижанца. Он сразу соглашается, и мы отправляемся наверх. Едва мы, войдя в камеру, включили свет, дижанец взвыл с удвоенной силой.

– Перестань орать, – презрительно бросаю ему, садясь на принесенный с собой стул.

– Н… не казните м.м. меня. – рыдает здоровый белобрысый детина, – я не виноват.

– А кто виноват? – устало вздыхаю я, рассматривая пленника. Типичный представитель своей расы, живущей в лесостепях северного материка Дижан. Дижанцы крепкие люди, скотоводы и земледельцы, на Афию приводят суда с

зерном и копченым мясом, в Афии закупают оружие и те инструменты, которых сами делать не умеют. Они немногословны и степенны, в воровстве и разбое не замечены.

– Как ты оказался в моем доме? – сурово спрашиваю у детины.

– Руиз впустил. – Выдавливает дижанец.

– Зачем? – терпеливо тяну из него правду.

– Тебя украсть. – Совсем сникает он.

– Зачем? – от неожиданности я не смог скрыть изумления.

– Не могу сказать. – Рыдает парень – Можешь отрезать мне голову.

– Как тебя зовут? – Спрашивает Трик.

– Ты знаешь. – С ненавистью кричит ему дижанец, считающий, что перед ним Руиз.

– Скажи, – настаиваю я.

– Что тебе мое имя. Сапан.

– Спокойной ночи, Сапан. – говорю устало и включаю станнер. Дижанец послушно как ребенок закрывает глаза и обвисает в зажимах.

– Тащи теперь его, дурака, – бурчу я, отстегивая Сапана от стойки.

Скорее всего затея с моим похищением дело рук Руиза, а этот лопух просто инструмент. Интересно, сколько ему Руиз обещал за помощь, и сколько, а главное от кого, надеялся получить сам, ведь бескорыстностью мой бывший секретарь никогда не страдал. Взяв дижанца под мышки, тащу его волоком пару метров, как вдруг простое решение проблемы возникает в моей усталой голове.

– Пусть спит здесь. – объявляю я Трику, выходя из камеры. – Утром своими ногами пойдет.

* * *

Не желаю ничего слышать, отстаньте все от меня. Заматываю голову в меховое одеяло и снова начинаю тонуть в мягком омуте сна. Однако настойчивый стук, сопровождающийся громкими криками, упорно достает меня оттуда. Злой и невыспавшийся, бреду к двери и рывком распахиваю ее.

– Ну, что тебе не спится? – раздраженно рычу на Руиза и вспоминаю, что это Трик.

– Так кричит, – взволнованно выдыхает он, – ну сил нету, как кричит.

– Кто? – начинаю просыпаться я.

– Не знаю. Может, Сапан этот? – сомневается Трик.

С чего бы ему кричать? Действие станнера, при той мощности, что я использовал вчера, около двенадцати часов, а усыпили мы его около полуночи. В местных сутках около двадцати шести часов, сейчас еще раннее утро, судя по серой дымке за окном. Значит, проснуться он еще никак не может. Мои полусонные рассуждения прерывает яростный, полный боли вопль, от которого спина сжимается как от ледяной воды.

– Вот, слышишь. – вздрагивает Трик. – Кто это?

– Представления не имею, – недоуменно отвечаю я и, вспомнив его вчерашний выход из шкафа, шучу: – Может, твое привидение?

– Какое… ты шутишь. Откуда ему взяться.

– Как откуда, из моего шкафа, вчера все видели. Ты рубашечку-то забери, она тебе идет необыкновенно. Будешь вечерами по балкону гулять, никакой охраны не надо. Вон кохры вчера как рванули, как будто и не умяли по кастрюле

жаркого.

Вещая это, я одеваюсь, с сожалением поглядывая на опустевший уют мягкой кровати, и, когда крик раздается снова, подхожу к столу. Панель послушно скользит в руку и через секунду уже отдана команда найти помещение, где есть кто-нибудь живой. Высвечивается над столом трехмерное изображение комнаты, где гуляет, подбирая куски тарса, черепашка Малыш, мой воспитанник, потом камера в башне смерти, где на полу сладко спит дижанец, кухня с мохнатой зверушкой, заменяющей афийцам кошку и, наконец, каморка на чердаке, где я запер Руиза. Он стоит, вцепившись руками в дверь и, раскачиваясь из стороны в сторону, стонет. Вдруг судорога пробегает по его телу и Руиза начинает трясти. Причем трясет с такой силой, что из-под ногтей, вцепившихся в доски, сочится кровь. И тогда он, колотя головой по двери, начинает выть. Вой переходит в невообразимый визг и так же резко стихает, как начался. Руиз без сил валится на пол, закрывая руками глаза.

– Что это с ним? – потрясенно выдыхаю я, оглядываясь на Трика.

Но он с таким восхищением разглядывает изображение над столом, что даже не сразу понимает, о чем идет речь.

– С кем? А, Руиз. Это глюк. А как это сделано? – И, внимательно глядя мне в лицо, напрямик спрашивает: – Откуда ты, Эзарт?

– Что такое глюк? – игнорирую я его вопросы.

– Глюк – это трава такая, от нее голова кружится, весело становится. Кто три раза попробует, больше без глюка не может. Если сейчас Руизу глюк не достанем, он с ума сойдет. Или даже умереть может. Я сбегаю на базар, куплю.

Так, все ясно, наркотик. Только этого мне еще и не хватало. Но почему молчат остальные агенты? Ведь год назад ни о каком глюке не было и речи. Или была?

– Трик, – спрашиваю я серьезно, – вспомни, когда в городе появился глюк?

– Года два назад, из Зарбаля один друг приехал, рассказывал, что появилась трава счастья, выпьешь отвар и кажется, что можешь летать. Сейчас его уже

нет, умер в прошлом году. Стража ловит тех, кто продает, и тех, кто пьет, но все равно, снова продают.

– А чем-нибудь это лечат?

– Когда такие, как Руиз, вылечить трудно. Сразу видно, он давно траву пьет, вон как мучается. Так что, идти на базар?

– Нет. – Отрезаю я. – Не нужно. Глюк его убьет. Иди лучше чаю покрепче завари, похоже, спать мне больше не придется.

Пожав плечами, Трик уходит на кухню, а я отправляюсь на чердак. Вопли Руиза подгоняют меня и третий, нежилой этаж я пролетаю на одном дыхании. Открыв дверь, направляю на Руиза станнер и нажимаю кнопку. Захлебнувшись стоном, бывший секретарь валится на пол. Решив отнести Руиза вниз, взваливаю его на плечи, но на третьем этаже мне на ум приходит новая идея. Оставив Руиза посреди коридора, обхожу пыльные комнаты, пока не нахожу подходящую. У прежних хозяев здесь жили слуги и в некоторых помещениях осталась добротная старая мебель. Вот к такой-то кровати я и привязываю секретаря, чтобы не сбежал и надеваю ему на руку запасной инфо.

За завтраком Трик молчалив и задумчив. Я тоже не склонен сейчас к беседам. Слишком много информации вывалилось на меня за последние сутки, причем настолько неожиданной и даже противоречивой, что мне нужно время, чтоб хорошенько все обдумать. Занятый своими мыслями неторопливо допиваю сок, разглядывая светлеющее небо за окном, и вдруг чуть не подпрыгиваю от неожиданного грохота посуды, резко сваленной Триком в тазик.

– Эй, Трик, а нельзя ли полегче? – оглянувшись на изобретателя, бурчу я и вдруг понимаю по его вызывающему взгляду, что это было сделано не нечаянно.

– Знаешь Эзарт, – решительно заявляет он, остановившись против меня, – наверное, больше я не смогу участвовать в твоих делах.

Вот это новость. И как же он, интересно, дошел до такого решения?

– А почему ты собственно решил, что это МОИ дела? – язвительно интересуюсь у него.

– Ну, потому что ты не из нашего мира. Твои… приборы, они совершенны и чужды нам. Мы дети пред тобой, а ты играешь с нами в какие-то свои взрослые игры, не объяснив нам их правил. И может быть, играя с тобой заодно, я играю против своего народа. А этого я не могу делать. Лучше отрежь мне голову, как говорит Сапан.

– Послушай Трик, – взрываюсь я – Да, ты угадал, я действительно не из вашего мира. И в моем мире тысячи приборов и механизмов, значительно сложнее и умнее тех, что ты видел. Поэтому я мог бы спокойно жить дома, ничего не делая, только отдавая приказы машинам. Но когда-то давно, когда наши предки только начинали строить это благополучие, они наделали столько непоправимых ошибок, что чуть было все не погибли. И теперь мы не можем допустить, чтоб и вы их совершили. Только поэтому я здесь. А ты для своего мира уже умер, и теперь тебя ждут все чудеса моего. Но ситуация сложилась так, что сейчас у тебя есть возможность немного помочь своему миру, своему королевству. Потому, что опасность угрожает Афии, кто-то распространяет глюк, кто-то подставил тебя, кто-то хочет помешать мне. Однако я не могу тебя заставить, да и не имею права. Выбор за тобой. Решай.

Трик сосредоточенно размышлял, рисуя пальцем узоры на жирном противне из-под окорока, а я прикидывал, что буду делать, если он откажется. Свободных агентов близко нет, и, хотя ночью, когда Трик ушел спать, я отправил отчет, ответ на него получу только через пару дней. А если Мария решит прислать поддержку, то это еще дней десять. Одному, без помощника, мне придется туго.

– А я никогда не смогу вернуться сюда? – обреченно спрашивает Трик.

Я понимаю, как ему тяжело, он остался жив, зато потерял всех, кого любил, но я ничего пока не могу для него сделать. И пообещать тоже не могу.

– Трик, это зависит не от меня. Я не знаю даже, что будет завтра со мной, как я могу обещать что-нибудь тебе? Сейчас никто не должен знать, что я тебя спас, иначе будут охотиться не только за мной, но и за тобой.

– Я тебе верю, – помолчав, вздыхает Трик, – но обещай мне, – он смотрит на меня полными слез глазами, – обещай, что если будет хоть какая-то возможность вернуть меня моему миру – ты мне поможешь. А теперь говори, что я должен делать.

– Обещаю. – произношу я слова, которых ни при каких обстоятельствах говорить не должен, – Пойдем, тебе нужно изменить внешность, ты больше не можешь быть Руизом. Его придется лечить, и это узнают все.

Внешность Трику мы подбираем ту самую, в которой я вчера ходил в Марофель.

Слегка изменяем голос, и новый секретарь готов. Осталось подобрать имя. На вопрос, каким именем он хочет зваться, Трик не задумываясь, говорит:

– Рикен.

– А почему именно Рикен? – Удивляюсь я.

– В наших сказках есть такой герой. Я очень любил его в детстве. Даже просил, чтоб меня так назвали. – Смущается Трик.

– Ну, прекрасно, Рикен, так Рикен. Постарайся сам не забыть, что должен на него откликаться. А теперь отправляйся в город и привези доктора Тормела.

Однако отправляться Трику никуда не пришлось. Не успел он дойти до лестницы, как снизу раздался стук в двери. После вчерашних вторжений мы довольно подозрительно относимся к гостям, поэтому спускаемся в холл вдвоем.

Молча показываю Трику, как включается наружная камера, и мы видим доктора Тормела, нерешительно переминающегося за дверью.

– Мир вам, доктор, – распахивая створку, приветствую Тормела. – Проходите, пожалуйста, мы как раз собирались идти за вами.

– Мир вам, мир вам советник Эзарт. Вы хотели меня видеть, чтобы вернуть свои вещи? – осторожно интересуется доктор.

– И это тоже, мой человек вел себя вчера несколько неосторожно, – вздыхаю я, пытаясь понять, куда клонит доктор. – Не желаете ли позавтракать? У меня, правда, нет сейчас поваров, но мой секретарь Рикен умеет готовить.

– Благодарю, я завтракал, – вежливо отказывается доктор и, заметив, наконец, Трика безапелляционно заявляет:

– Да вот он, молодой человек, побивший Бамета.

Однако, внимательно оглядев притихшего Трика, с сомнением качает головой:

– Мне кажется, вчера он был, м… м, несколько крупнее.

– Это был не он, – немедленно прихожу на помощь Трику, – а его старший брат. Они удивительно похожи. Но его сейчас здесь нет, я послал его с поручением в Ламоко. При всем том я готов ответить за все действия моих людей, как за свои собственные. Пройдем в кабинет, там нам будет удобнее разговаривать, – предлагаю доктору, справедливо полагая, что не одно только желание побыстрее вернуть мои вещи привело Тормела в такую рань.

– Рикен, принеси нам чай в кабинет, пожалуйста. – прошу Трика, подводя доктора к лестнице.

В кабинете Тормел первым делом достает из сундучка мой плащ и браслет. Демонстративно надеваю браслет на руку и, предложив доктору кресло, устраиваюсь напротив.

– Итак, доктор я ваш должник за возвращенные мне вещи, – ободряюще улыбаюсь Тормелу, – Вы можете купить любые лекарства для нуждающихся, я подпишу счет. Или вы желаете получить чек?

– Видите ли, Советник, – нерешительно начинает доктор, – я хотел поговорить с вами по поводу этого молодого человека, Бамета.

– А что с ним? – вежливо интересуюсь я – Надеюсь, ничего серьезного?

– Нет, рана почти затянулась, ваш человек предупреждал меня, что дал ему лекарство, так что моя помощь почти не понадобилась. Дело в другом. Я выяснил, что Бамет действительно первым напал на вашего слугу, приняв его за вас.

Выговорив это, доктор полез за платком, чтоб отереть вспотевший от волнения лоб. Ах, вот в чем дело. Наконец-то я понял, с какой миссией явился ко мне добрейший Тормел.

– Я понимаю вашу тревогу, доктор. Хочу сразу заверить, что не собираюсь доносить на вашего пациента. Но пусть и он не болтает языком о своих подвигах, договорились?

– Конечно, конечно, большое спасибо, вы же понимаете, Трик был его лучшим другом. – облегченно вздыхает Тормел.

– Но, доктор. – возражаю я, – ведь это не я судил, и не я приговорил Трика. Я наоборот, пытался доказать Его Величеству, что Трик не мог убить своего учителя. Я и сейчас считаю, что Трик невиновен. За что же Бамет ополчился именно на меня?

– Видите ли, – вздыхая, признается доктор, – на вас ополчился не только Бамет. Я хотел вас предупредить быть поосторожнее. Вы явились в этом деле последней каплей. Трика многие любили, он не отказывал никому в помощи. И если бы не Дариналь, король заменил бы ему казнь на каторжные работы. А вы устроили представление из его смерти.

– Подождите, доктор, насколько я знаю, Дариналь была против казни, а вы говорите… я чего-то не понимаю?

– Ну, разумеется, против, и вообще против решения суда. Она считала его невиновным, и заявила королю, что пойдет за ним на каторгу. Любовь, понимаете ли. – удрученно объясняет доктор. – И у нее много сочувствующих.

Уже понятнее. Значит, Маннейгу не нравилось, что старшая дочь, наследница, может выйти замуж за сына кухарки. И что многие из ее друзей не считают это неприемлемым. Следовательно встанут на ее сторону. Тогда, может это по его приказу сфабриковали дело против Трика? Интересно узнать, а что об этом

думает сам Трик?

– Жаль доктор, что я этого раньше не знал. Но ведь отменять казнь Маннейг все равно не стал бы? На что же они надеялись? – пускаю пробный шар.

– Разумеется, – соглашается доктор, – Король бы не передумал. Но у друзей принцессы была надежда, что удастся оттеснить кохров, и освободить Трика.

– И тогда кохры начали бы стрелять, – говорю я задумчиво, как бы для себя. – Могли погибнуть люди. Очень много невинных людей. Да и кохров тоже.

– Что теперь гадать, – замыкается Тормел, – сделанного не воротишь. У меня к вам еще просьба советник, несколько… ммм, необычная, так сказать.

– Все, что в моих силах.

Постучав, в дверь входит Трик с чайным подносом. Поставив его на стол, изобретатель вопросительно смотрит на меня. Махнув ему рукой в сторону свободного кресла, пододвигаю доктору душистую чашку.

– Выпейте чаю, доктор и рассказывайте.

– Вы вчера выгнали повара и слуг, – Осторожно начинает Тормел, отпив несколько глотков чая.

– Так, – насторожился я.

Неужели доктор будет просить за этих бездельников?

– Повара Лузида сразу взял на службу один состоятельный господин, на место своей кухарки, которую ему пришлось уволить.

Я, сделав вид, что не слышу в этой фразе вопроса, сосредоточенно пью свой чай, и, помявшись, доктор обреченно продолжает:

– Не могли бы вы взять ее на работу, она порядочная женщина и хорошо готовит?

Я не против, но сначала желал бы кое-что уточнить. Однако не успеваю задать ни одного из возникших у меня вопросов.

– Как ее зовут? – спрашивает Трик неожиданно напряженным голосом.

Доктор в замешательстве долго крутит в чашке ложечкой, вздыхает и, наконец, смущенно выдавливает:

– Фарина Пил.

Лицо Трика бледнеет, а я тороплюсь сказать:

– Конечно доктор, я возьму ее с удовольствием, только пойдет ли она сюда? Ведь вы сами говорили, что меня считают виновником смерти ее сына?

– Она пойдет, – с облегчением заверяет доктор, – кроме вас, никто сейчас не решится взять ее на работу. А жить на подаяния она не сможет, не такой человек.

– Ну и решено, только у меня большая просьба доктор, наймите машину и привезите ее сами, мне больше некого сейчас попросить. И у меня тоже есть к вам одно важное дело.

– Сегодня же, сегодня же. – бормочет довольный доктор. – А что за дело?

– Видите ли, пока я был в отъезде, мой секретарь Руиз начал пить глюк. – Объясняю я, – Вчера это выяснилось, и я был вынужден привязать его. Можно устроить так, чтобы вы лечили его, но не в больнице, а здесь, в замке? Разумеется, я хорошо заплачу.

– Конечно господин советник, я могу приходить к вашему секретарю. Но предупреждаю сразу, тех, кто пьет глюк, вылечить невозможно, разве только они начали недавно. – Заявляет Тормел.

– Думаю, что Руиз к таким не относится. Сегодня утром он выл так, что тряслись стены. – бурчит Трик.

– Давайте посмотрим на него, – предлагает доктор, отставив чашку, и мы отправляемся в комнату, где я привязал Руиза.

Подойдя к кровати, незаметно снимаю с руки спящего инфо и сую в карман. Доктор, осмотрев Руиза, критически качает головой, вздыхает и наконец заявляет:

– Случай действительно запущенный, но кое-чего я понять не могу. Глюкены обычно подвержены бессонице, а ваш секретарь спит как младенец. Не давали ли вы ему чего-нибудь?

– Вы угадали доктор, у меня было снотворное, для себя держал, пришлось ему влить, не за глюком же идти? – притворно каюсь я. – Ну, так что, беретесь его лечить?

– Берусь, разумеется, но гарантировать ничего не могу. Я вам уже говорил, это почти неизлечимо. Стоит отвернуться на минуту, как он побежит за глюком. Не будете же вы все время держать его привязанным? За ним нужен присмотр.

А вот это действительно проблема. Однако есть у меня одна идея, можно попробовать.

– Да, доктор, насчет присмотра. Я знаю, что у Руиза есть мать, в доме вдов. Возможно, она захочет ухаживать за сыном? Я был бы рад предоставить ей эту возможность. Не затруднит ли вас поговорить с ней? – прошу Тормела.

Доктор внимательно разглядывает меня, как будто видит первый раз и одобрительно кивает:

– Да-да, обязательно, обязательно, – и внезапно начинает торопиться, словно опасаясь, что я могу передумать. – Тогда я отправляюсь, у меня еще много дел, и сегодня же привезу Фарину, как договорились.

– Спасибо доктор, мы ждем, – киваю ему и, повернувшись к Трику, прошу, – Рикен, проводи пожалуйста доктора.

Трик уводит доктора, а я спешу в свою комнату. Инфо уже сделал анализы и мне нужно срочно отправить отчет. Я не сомневаюсь, что в лаборатории станции лекарство от глюка приготовят быстро, но потребуется время, чтобы доставить его сюда.

Спустившись на второй этаж, слышу, как в кабинете трезвонит телефон. Что там еще могло случиться, недоумевал я, влетая в кабинет. Оказывается, секретарь звонит, чтобы сообщить, что Его Величество просил напомнить мне о приеме. В свою очередь прошу его прислать за мной машину и заверяю, что прибуду обязательно. Но сначала мне нужно отправить отчет, погулять с Малышом, перевести на чердак Сапана и подготовиться к приезду матери Трика. Я даже не надеюсь, что мать не узнает его в какой угодно маске. Лично моя узнаёт меня за километр, по походке. Поэтому я и не хочу, чтобы они столкнулись в дверях. Женщину к этой встрече нужно подготовить.

Методично выполняя свой план, быстро отправляю отчет и иду в башню смерти. Завязываю Сапану глаза, и отконвоировав дижанца на чердак, запираю в каморке. Здесь есть запас еды, кровать и все необходимое для жизни. Но самое главное – отсюда невозможно выбраться. После этого иду к Малышу. Он, как и я, всегда рад встрече. После ритуального почесывания змеиной головки беру черепашку на руки и несу в садик, пусть погуляет по песочку. Оторвав по дороге Трика от изучения нового экрана наружки, установленного ночью роботами, зову его с собой, раз появилась возможность совместить приятное с неприятным.

– Скажи мне, Рикен, – обращаюсь к нему, удобно устроившись на освещенной весенним солнцем скамье, – Твоя мать узнает тебя в этой маске?

Некоторое время он молчит, наблюдая, как шустрый Малыш пытается выкопать ямку в насыпанном на каменистые дорожки тонком слое песка, потом, честно глядя мне в глаза, говорит:

– Узнает.

– Я так и думал, – одобрительно киваю ему. – Но ведь будет неправильно, если это произойдет внезапно, например, когда ты откроешь ей дверь. У бедной

женщины может случиться обморок, или еще что-нибудь в этом роде. Надеюсь, ты этого не хочешь?

– Нет. – Твердо отвечает Трик.

– Отлично. – вздыхаю с облегчением. – Тогда условимся так, когда они приедут, пойдешь в свою комнату и не выйдешь оттуда, пока я не позову. Договорились?

– Хорошо, – кивает он и тихо добавляет – Спасибо.

– Не за что, – отмахиваюсь я, следя за Малышом, – Нужно будет песка несколько мешков заказать, проследи, пожалуйста.

– Какого песка? – изумленно спрашивает Трик.

– Чистого и сухого, – серьезно отвечаю ему – Видишь, Малышу закопаться негде?

Рассматривая с балкончика город, я раздумывал над событиями, эпицентром которых являлся в последнее время. Как ни крути, получалось, что мой приезд кому-то здорово помешал. Ведь не зря Руизу заплатили за мое похищение. Или убийство? Жаль, что нельзя допросить бывшего секретаря, глюк здорово перемешал в его голове вымысел с реальностью. Ветерок откинул полу моего парадного плаща, одетого по случаю приема. Что-то доктор задерживается, скоро уже прикатит шикарная королевская машина, а его все нет. Неожиданно на дороге, выходящей из Марофеля, показалось что-то странное и я рванул в кабинет за биноклем. Мощный прибор приблизил вплотную разношерстную толпу, нестройно шагавшую прямиком к моему замку. Больше тут идти некуда. Не в горную же деревушку они направились?

В полном недоумении я разглядывал с балкона это шествие, когда из кабинета раздался телефонный звонок.

– Слушаю, Ваше Величество. – бодро рапортую, сняв трубку.

– Эзарт, запри все двери и никому не открывай. – отрывисто командует Маннейг.

– А что случилось, Ваше Величество? – недоумевающе интересуюсь я.

– Мятеж. Около дворца толпа, и, по полученным сведениям, часть бастующих отправилась к твоему дому. Но поддержку тебе послать пока не могу. Сначала разгоним тех, кто митингует здесь. – Прокричал Маннейг и связь прервалась.

Так, доруководился, Казанова крашеный, рычал я, скатываясь по лестнице. Заложив ломом, припасенным Руизом, мощную дверь, окованную снаружи толстым листовым железом, я помчался на второй этаж запирать решетки окон. Хорошо еще, что на первом этаже нет выходящих наружу окон, радуюсь, припоминая все известные мне случаи осады из истории моего мира.

– Эзарт, что случилось? – Наконец-то заинтересовался происходящим Трик.

– На нас идут твои поклонники, – огрызнулся я, закручивая массивный винт на металлических ставнях.

– И что мы будем делать? – растерялся Трик.

– Не знаю пока. Вспоминаю, как в древности на моей родине поступали в таких случаях.

– И как? – похоже, больше, чем собственная безопасность, Трика интересует история мира, куда ему предложено переселиться.

– Раньше у осажденных было много способов повлиять на настроение нападавших. Например, вылить им на голову какую-нибудь гадость, от содержимого собственного горшка до расплавленного свинца. – Провожу между делом краткий курс истории. – Ну, или сбрасывать тяжелое что-нибудь, камни например. Опять же, стрелять сверху удобнее.

– Но мы ведь не будем так делать? – Всерьез заволновался Трик.

– Не будем конечно, да у нас с тобой и горшков-то нет. – с деланым огорчением киваю в ответ. – Но все-таки придумать что-нибудь не помешает. Не люблю я, когда чужие люди под дверьми толкутся. Тем более, мы гостей ждем.

– Слушай Эзарт, – немного подумав, предлагает Трик – а что, если мы их напугаем?

– Как? – усмехаюсь я.

– Ну, так, как ты предлагал, – Слегка краснеет Трик – я надену твою рубашку и выйду на стену. И буду выть. Слуги же испугались?

– А эти могут не испугаться. Или наоборот, испугаются и выстрелят в тебя. Нет, это нам не подходит. – Рассуждаю я вслух – Хотя идея явно неплоха. Вот если… а, вот это пожалуй подойдет. Иди за мной. – командую Трику, и во всю прыть мчусь в спальню.

Трик открыл рот от удивления, когда увидел, как начали оживать маленькие статуэтки, украшавшие мой стол. Этих миниробботов я привез специально для спасения Трика, и в выключенном состоянии никто из местных жителей не нашел бы в них ничего необычного. Приказав компу составить для роботов программу, я попросил Трика изобразить вчерашний выход из шкафа. Для этого мы на время сняли с него внешность Рикена, обрядили изобретателя в ночную рубашку и перевязали его горло красной лентой. Парень немного посмущался для начала, но очень быстро освоился, и с третьего раза мы записали неплохую версию призрака. Потом роботы расползлись устанавливать аппаратуру, а мы, преобразив Трика назад в Рикена, отправились занимать места в первом ряду партера.

И как раз вовремя, так как первые смутьяны уже подтянулись к замку. В холле роботы за ночь установили новый экран во всю стену, поэтому теперь, удобно устроившись в креслах, мы видим и слышим всех пришедших так, словно стены нет вовсе.

– Вон тот Зинг, а вот этот в шляпе учитель Малтор, а этих я не знаю, – почему-то шепотом комментирует Трик.

– Можешь говорить громко, я выключил переговорник, – объясняю ему, – лучше скажи, можно заметить, что человек под глюком?

– Ну да, если хорошо знаешь его. Вдруг становится веселым, добрым, заводным, но быстро устает, начинает злиться ни за что, орет.

– А сейчас, как по-твоему, здесь есть такие?

– Наверное. Вон тот похож, и этот. А вот Мис, так я точно знаю, что он последнее время без глюка не может.

Пока я изучающе рассматриваю худенького, нервно-веселого парнишку, до замка добирается новая толпа. Настроены они весьма агрессивно, почти все тащат подобранные по дороге камни и дубинки. Лишь у немногих, снарядившихся более основательно, в руках топоры и ломы. Подойдя к замку, они немедленно пускают в ход свое оружие, и дверь вздрагивает от первых ударов.

– Пора уже. – нервно шепчет Трик, но я качаю головой. Пока еще установлена не вся аппаратура. Проходит еще несколько довольно неприятных мгновений, когда толпа, все сильнее разогреваясь, испытывает на прочность мою дверь. Наконец инфо слегка сжало руку, давая понять, что задание выполнено. Роботы пауками спустились со стен и унеслись в мою спальню. Вот теперь все готово. Необходимо выбрать подходящий момент, и он не заставляет себя ждать. Высокий мужчина среднего возраста, незнакомый Трику, обстоятельно объясняет толпе, как нужно высаживать дверь. Толпа расступается перед дюжиной добровольцев, вцепившихся в огромное бревно. Незнакомец поднимает руку, все смолкают. И в тот самый момент, когда он уже готов взмахом руки подать сигнал, я говорю в инфо кодовое слово.

Невыносимо печальный, заунывный полувопль, полустон, в тщательно выверенной компьютером тональности, раздается над головами бузотеров. Тихий вначале, вой все нарастает, как бы приближаясь и звучит все надрывнее. Только один звук сопоставим для меня по силе скорби звучащей в этом вопле – это плач Тези, когда она считала, что я умираю. Светлое воспоминание о шоколадной головке на моем плече заставляет меня тяжело вздохнуть. Только пару месяцев провели мы вместе на золотистых пляжах Деллии, как приказ Марии отправил меня сюда. Всего на несколько дней, как опрометчиво обещал я своей любимой.

А под стенами замка в это время настоящая паника. Добровольцы уронили бревно, едва только услышали вой, и теперь половина из них скачет с отбитыми ногами. Несколько человек рванули к городу, остальных задержал главарь. Гневно сверкая глазами, он стыдит сообщников, обвиняя в трусости. Вот он

подскочил к двери и схватился за ручку. Ну что ж, давай познакомимся. Подойдя к двери направляю на него станнер. Главарь, дернувшись, тяжело повалился на плиты, и встревоженные смутьяны кинулись к нему.

И тогда я начинаю второе действие марлезонского балета. Под тот же жуткий вой с крыши замка плавно слетает полупрозрачное облачко голограммы.

У застывших, как по приказу, баламутов, отваливаются челюсти и стекленеют глаза, когда они видят, как призрачный Трик в ночной рубашке снимает с себя голову и скорбно завывая, качает ею из стороны в сторону, держа за волосы.

Взвыв не хуже Трика, обезумевшая банда бросается бежать к городу со скоростью, которой могли бы позавидовать вчерашние вояки. Они мчатся, сталкиваясь и падая, топча упавших, трясясь и подвывая от ужаса. Через пару минут последний из нападавших скрывается из виду. Чрезвычайно довольный произведенным эффектом, выключаю аппаратуру и открываю дверь, чтобы рассмотреть трофеи. Крепкое бревно, разбросанные по площадке камни, да тело главаря, забытое сподвижниками, вот и все, что осталось от воинственно настроенной толпы.

Переворачиваю тело на спину, желая поближе рассмотреть лицо незнакомца, как он вдруг протягивает руки и хватает меня за горло. Только годы тренировок помогли мне в этот раз. Где-то в подсознании сработал сигнал и мгновенно отбросил меня назад, так что мертвая хватка сомкнулась у меня над головой. А я, прогнувшись еще больше, делаю кувырок вперед и оказываюсь у него за спиной. Но он вовсе не собирается сдаваться, рывком откатившись вбок, упирается в плиты двора руками и как тараном вбивает в меня ноги. Хороший трюк, только старомодный, усмехаюсь, отскочив в сторону.

Однако порезвились, и хватит. Выпрямившись, выхватываю из кармана станнер и, сдвинув рычажок на максимум, давлю на кнопку. Главарь хватается за голову, секунду глядит ненавидящими глазами, затем, покачнувшись, плашмя падает на камни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/chirkova_vera/pod-znakom-temnoy-luny

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити